

**Александр
БОГДАНОВ**
Калининград

*Александр Геннадьевич
Богданов*

Родился в 1983 г. в

городе Калининграде.

*Окончил Калининградский
государственный
технический университет.*

*Кандидат экономических
наук.*

*Автор четырех сборников
стихотворений, среди*

которых: “Музыка, которая...

*“, “ С весной... “, “Вот бы
встретиться нам с тобой”,*

*“Предпосылки высокого
чувства”.*

ЗВЕНЕЛИ МУДРОСТЬЮ СЕДИНЫ

МЕЖДУ ПРИЧАСТИЯМИ

Мерцаньем звёзд далёких безразлично
Был поворот дороги озарён...

Б. Л. Пастернак

Тихо в маслинах, приют исповедный...
Из ночи – кучность огней не к добру.
“Путь мой во имя Твоё не бесследный,
Им на заветах держаться в миру”.

Падали капли на камень унылый,
В кровь насыщая отмоленный пот:
“Отче, терпение дай мне и силы,
Но не оставь человеческий род”.

Зная, что горечь дойдёт до творений,
Пастырь о стаде просил у Творца:
Чтоб белый свет в сонме трудных прозрений
Кротость как дар различал до конца.

В Млечном Пути дочиталась надежда:
Свыше хранимая – скорби земля.
Воздух с Кедрона окутывал вежды,
Мимо пройти богохулам суля.

“Спят мои братья апостольской сферы,
Ты так решил, Ангел план повторил”.
Точно смиренные агнцы, лишь с верой –
Апологеты духовных мерил.

“То, что отсрочить, – второй раз случится,
Может, когда разрастётся полынь.
Множество вех за страницей страницу
Хроника Жизни припомнит. Аминь”.

Бранные крики пространство разъяли,
Сад огласила бездушных молва.
Правду Мессии на вес разменяли,
Вновь возопили пророков слова.

Пётр заступится, только не стоит,
И петуху распеваться за блажь.
Чистое, искреннее и простое, –
Сердце без умысла, ты ли предашь?!

На поцелуй, как разбойника, схватят,
Довод судилищ – позор для суда,
“Се человек”, но не знает о плате
Грешный народ: был в сей час и всегда.

Выпрос Вараввы, ни меньше ни больше,

Чтоб на потомках лежал вечный крест.
Жадно “осанна” кричавшие – столь же
В блуд “дщерь Сиона” ввели из невест.

Тени Голгофы из лона потворства:
Ревностный и утешительный взгляд
На заигравшихся чад в богоборство;
Дети “не ведают то, что творят”.

Страшная смерть – в искупление милость.
Сына не выплакать в материн век.
“Господи, воля Твоя... совершилось”,
Начал Адам, чтоб познал человек.

Святость коснётся согласных с распятым
Дисмаса с сотником... Дрогнет природа:
Вид Homo sapiens, что ли, заклятый;
Код равнодушия – в генах породы.

Тронут Пилат, но, жену не услышав,
В поиске Истины не преуспел,
Руки умыл и... укрылся под крышей
Мира сего, так и мы, что от дел

Не оторвёмся для служб спозаранку,
Время причастия с Ним провести.
Раны Христа – наши общие ранки
(К ближним любовь безопасней “испанки”.):
“Боже, помилуй, спаси и прости”.

<В таинстве пот проступает на лицах,
Воспринимать воплощённое – долг.
Где-то смоковница в зной возродится,
Дав от возделанья пищу и толк.>

ЗВЕЗДА ГОРИТ

Взошла звезда, мир знает, что зима,
Какая бы ни подступила вьюга,
Пернатых стай не остановит с юга,
Избравших трудный путь в свои дома.

А этот неизбежный лейтмотив
Яснее устанавливает планку,
Что ближе до весны, чем от Шри-Ланки,
Настрой за ожиданьем не смутив.

Прошедшего и сложного потом
Вдохнуть как воздух полноценной жизни,
Душой, простёртой ввысь без укоризны,
И “Господи, спаси” молящей ртом.

На огонёк смотрин в морозный вечер
В зашторный мир таящего окна –
Теплит за гранью стёкол тишина
Жилища в направленьи верной встречи:

В пастуший край, узнавший с яслей Бога,
Под сень принявших торжество маслин
И с тех времён не гаснущих лучин,
Причастности восторг суля с порога.

...Вновь Вифлеем не спит, митрополит
В святых святая людного прихода
Читает “слава в вышних” с утром года.
В сердца пуская свет, звезда горит.

ЗВЕНЕЛИ МУДРОСТЬЮ СЕДИНЫ

Глаголил колокол в тревоге,
“Язык” с высот неудержим:
Про тщетность избранной дороги
И быта тягостный режим.

Кто в тяжкие во все старался,
Как водится, пошёл в расход.
Что долго пламенно не брался
Никто пленять честной народ.

Переплавляя “вестник” в пушки,
Пораспинались молотки.
И глад подкатывался к брюшкам,
И враг хватался за грудки.

Трещотки, дудки, ложки – смело
Несли потешный звукоряд.
Нутро и вкривь и вкось зудело,
Впредь русский дух настроил лад.

Ведь продолжаться зло не может
И споро не пойдут дела.
Пусть помощь истинная божья
Даст волю бить в колокола.

К “плечам” созвучная “рубашка”,
“Ушами” бодрый нараспев,
Дошли до басурман кондрашки,
На славу урожай поспел.

Набат иной приметен силой,
Душа подскажет, вот те крест:
Чтоб музыкой не рвались жилы,
Воспрянет чистый благовест;

Про поле с маками в росяном,
О чуткости святых икон, –
Без мазей стягивает раны
Малиновый исконный звон.

В берёзовых серёжках рощи
Трепещут лунным серебром.
По праведной мужицкой мощи
Трещонил дольний мир добром.

И думаешь, что в ту годину,
Когда учил любви Христос,
Звенели б мудростью седины
От колокольных частых доз.

ЗВЁЗДЫ КАК ЛИСТЬЯ

Не упадёт звезда, конечно,
На счастье (ли?) не довелось.
На мир, хранимый Богом, грешный
Свободно пасть с ветвей далось:

Пока разматывает пряжу
Паук над ломкою листвою,
Ко времени горит без сажи
Лес над бедовой головой.

И рассыпаются, как звёзды,
Цветные хлёсткие листки:
Кому в охапке пламень роздан,
Кому с сомнением квитки.

Но остывающим дыханьем
С земли тревогу ветер нёс.
Четверодневные создания
Решали кантовский вопрос.

Закат озяб за косогором,
В осенней дрогнув кутерьме.
На небе звёздном без разбору –
Свет вечных душ в сошедшей тьме.

СНОВА О ПАРУСЕ БЕЛОМ

*А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
М. Ю. Лермонтов*

Без веры парус забелеет,
Когда не ал надеждой бриг.
Для одиночек Лорелеей
Перепоётся чаек крик.
И будет ласковее моря,
И путеводнее Ковша –
Бродить на ветреном просторе
Без воли и карандаша.

Черпая в волнах соли с тиной
(В трагичней случае и ром),
За край заплывть и середину
Земного рая за бугром.

Сила с талантом не в балансе,
Ломают качка ритм с лихвой.
Вошанка за бортом, о шансе
Делиться вёслам с головой.

Пока простор едва алеет,
И гнётся парусины клок,
Попробуй стать хотя бы злее
За шторм из вдохновенных строк.

Ровной посудину порезче,
Греби на тень, что вдалеке.
Ты чувствам путанник и резчик,
Отяжелевший налегке.

Когда поймёшь, не будет поздно,
Белее парус, если скис.
Сирену тронет, что по звёздам
Чудак не музу выбрал – пирс.

НА ЖИВЦА

В мешке холщовом пахло снedyю
Ершовых тайн на берегу.
Мужик, надумав об обеде,
Погладил удочки дугу.

А в глубине мужицкой клади –
Перловка, овощи, и соль.
От водной живоносной глади
На мотыля б узнать пароль.

Из припасённого по плошке
Зашепчет в котелке уха.
К щекам прилипнут крошки с мошкой,
Как шишечки от лопуха.

Сверчок скатился до фальцета,
За тишь кустов почтив улов.
Клевало очевидно летом.
(На пламя частный вышел лов.)

Светило отходило к сроку.
Смотав орудия труда,
Рыбак, не поварская дока,
Варганил рыбу из пруда.
Из тени, выросшей позднее,
Вблизи парного костерка
Кружила, вкусом не бедняя,
Ватага мух... без мотылька.

ПРИТЧА О РУССКОМ ЛЕСЕ

*(Версия для поколений X, Y, Z, A
и иже с ними)*

Срок кукушка сосчитала,
Зяблик тот же насвистел.
Лесопилка точит жало,
Чтобы лес осиротел.

Спят без устали игрушки:
Деревянные, молчат.
Не шататься по опушкам
Мишкам много роц подряд.

Стал бы богатырь верзилой,
Царь Лесной ушёл в моря.
С места силы вышли силы,
Пригорюнилась заря.

Стерпит крепкое бумага,
Даже больше, говорят.
Рысь (одумайтесь!) с летягой
В книгу Красную парят.

Дуб из Лукоморья где там,
Кот и прочее зверьё?
Русские точны приметы –
Налетело вороньё.

Каркнула ворона щедро –
Реновируется стрит.
На фазенде возле кедра
Клетка с белочкой висит.

Цепь золотая и ограда,
Из динамиков – шансон.
Расстояние от МКАДа
“Видит” GPS. Не сон.

Содержание доступно.
Настроение – ништяк.
Средний чин (охотник крупный)
Имел виды на кругляк.

...Обсчиталась с год кукушка,
Как “распилены” леса.
Ушки дыбом на макушке.
Скрипка. Чучело. Лиса.

А в краю у синей птицы:
Целит в облако сосна,
Власть земли, жива водица
Да святая тишина.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Пока жар молоком напарит с крынку
От дойной тверди утренней порой,
Тугие тельца лихо, без разминки
Терзают воздух ветреной игрой.

Ватага из десятка дружных тварей
Слетелась на прогоны номеров.
Что явно не читалось, трюком в паре
Поддерживали равенство полов.

Взметают, стрекоча на парапете,
С опереженьем мысли про кульбит:
Синхронно б между “свечек” двух в просвете
Вниз кануть по касательной орбит.

Быть может, отдалила их от пляжа,
Безлюдного немало лет назад,
Охота – по бетонному куражить
Или воронам пыль пустить в глаза.

В природе нет оценок и суждения
За навык у мечтательных стрижей.
Из окон представляемое действо
В июльский зной – из ранга миражей.
Пыхтит незримо зелени жаровня,

Испариной сгущая синеву,
Чтоб томно и раскидисто над кровлей
Подмаслить брюхо хлябей на плаву.
Отпрянут хлопотливые гимнасты,

Ликуя, как вспорхнулось до грозы.
Не крынка ли тепла – под хвост поддаст им,
До тучки, полной свежести балластом
С дождём, готовым вскрыть небес пузырь.

ОН К КАЖДОМУ НАД ПРОПАСТЬЮ СОЙДЁТ...

Он к каждому над пропастью сойдёт,
Ведя от продолжателей Содома
Сквозь тьму веков, золу, кровавый пот, –
Приладив с неба до стеклопроёма:

Любовь – подъёмно-приземлённый круг,
Простому сердцу откровенно в малом,
Что в оправдание Христовых мук
Свет белый мил – без адова накала.

Какую эру увлекая вброд
Найти причал с блаженною нирваной,
На рифы гонит время и – вперёд,
Недаром у Земли пять океанов.

Где парус покоряется юдоли,
Суровее морская синева.
И снится, и зовёт из странствий в поле
Зелёная прибрежная трава

Приносит жертву за овец Пастух –
За слабости кормящихся и беды,
За естество сомнений и прорух, –
Пуская по спасительному следу.

Ещё споёт заветный Алконост –
Про рай, приют и глубину покоя.
Пока же обещает добрый ост –
До берега надежд подать рукою.

И как на ветреных и тихих ни дели,
Шныряет доморощенное стадо;
Кумач поднимет день, а бот – с мели,
Чтоб длилась жизнь – carpe diem и к Саду.

Век продолжает бег. И мы в пути,
Раз крутится планета под ногами.
От пропасти бывает не уйти,
Но звёзды, в бездну зырякая, пугают.

ЦВЕТ СПАСЕНИЯ – БЕЛЫЙ

Когда благословляет вереницы
Седая осень на отлётов дело,
День в белое готов всюю рядиться,
И до весны носить, и оголтело.

Весна развеет в щебетаньи птичьем
На ветках народившейся надеждой,
Что с обновленья жизненных обличий
Свет переменит белые одежды.

С поправкой на погоду те законы:
Как девичье приданое природы –
Черёмухи накидка испоконна;
А белый дым – прохладцу шлёт народу.

Возможно, объяснение простое,
Когда на землю смотришь с колокольни:
Высь приоткроет, чего горний стоит
Мир – и немного грустный дольний.

С Преображенья белый цвет – небесный,
Христос в хитоне ждёт нас, Спас иконный.
Он в плащаницу лёг, затем воскреснув.
И нам до Бога – в саване с поклоном.

КОГДА НЕТ В ДУШАХ ПЕРЕМЕН

Война ведь недоапокалипсис,
Тужили, жили, впредь живём.
Не верили, грешили, каялись
Под искупительным огнём.

Восстановительные хлопоты
Смущает эхо прежних бурь.
Любовь спасительна от ропота,
Как поднебесная лазурь.

Жизнь временами так покажется,
Труба из меди напоёт:
В бемоль надрывно при закате – с “си”,
Что всё когда-нибудь пройдёт.

Не от болезней – мрак, не с тлением,
В Конце концов – начало сцен:
Когда не стыдно осуждения,
Когда нет в душах перемен.

С ОСЕНЬЮ НЕВПОПАД

Когда осень с нами не совпадает,
Мы блефуем, нервничаем, грустим:
И природа образно увядает,
И из чувств успеть бы венок сплести.

Если же мы на то до поры согласны,
И пожары из листьев огонь таит:
Угасанья срок наступает частный,
Поголовный дождь мрак души кропит.

Сквозь паучью сеть на берёз гроши,
На озябшей глади голубизну –
Лучик солнца (зайчик ещё) спешит,
Обсчитав, прощупав на блеск “казну”.

Стелет мягко ветер до перемен,
Гуси мерят даль на крыла размах,
Кружит пух. Мифотворчество в дебрях
вен
Про руно из золота – медь в умах.

Божьим планом тронут и служит – раб,
Для сезона царь человек по гроб:
В ситуации положась на паб,
Изживает осень от кислых проб.

И хоть часто больны мы совсем иным,
Чем топить вечера из стекла унылым,
Новой осенью с кровью её вины
Расслабляем до белого хруста жилы.